

Lomonosov Moscow State
University
Moscow, Russian Federation
<http://www.econ.msu.ru>

Preprint series of the economic department 0041

Институциональная среда как фактор защиты и развития экономической конкуренции

Федоров С.И.

О статье

Ключевые слова:
защита и развитие
конкуренции,
институциональная
среда, механизмы
управления
транзакциями

Key words: protection
and development of
competition,
institutional
environment,
mechanisms of
governance

JEL: L50, L51, L40

Аннотация

Защита и развитие экономической конкуренции всегда происходят в контексте институциональной среды. В частности, влияние данного контекста проявляется в виде различий в подходах к отраслевому регулированию, в вариации уровня административных барьеров на пути ведения экономической активности, и в качестве искажений инструментов антимонопольной политики при их межстрановой трансплантации. В данной статье проводится анализ влияния институциональной среды на экономическую конкуренцию путем совмещения двух подходов в рамках новой институциональной экономической теории («социальных порядков» Д. Норта и др. и «механизмов управления транзакциями» О. Уильямсона). Анализ позволяет прийти к выводу о том, что оппортунизм политиков, наряду с оппортунизмом рыночных игроков, может становиться причиной ограничения экономической конкуренции.

The protection and the development of economic competition always take place in the context of the institutional environment. In particular, the influence of this context manifests itself in the form of differences in approaches to industrial regulation, in variations of the administrative barriers to economic activity, and in distortions of antitrust practices after their cross-country transplantation. This article analyzes the impact exerted by institutional environment on the economic competition by combining two approaches within the framework of the New institutional economics («social orders» by D. North et al. and O.

Williamson's «mechanisms of governance»). The analysis allows us to conclude that the opportunism of politicians, along with the opportunism of market players, can cause restrictions on economic competition.

1. Введение

Проблема защиты и развития экономической конкуренции зачастую рассматривается изолированно от контекста институциональной среды. Вместе с тем, институциональная среда является «набором фундаментальных политических, социальных и юридических правил, составляющих основу для производства, обмена и распределения» (Davis, North, 1971). Следовательно, именно на этом уровне институциональной системы фиксируются основополагающие правила, касающиеся защиты прав собственности и контрактного права. Если это так, то может ли оппортунизм политиков, влияющих на установление этих правил, становиться причиной ограничения конкуренции наряду с оппортунизмом отдельных рыночных игроков?

Данный исследовательский вопрос в последнее время все чаще поднимается в научной литературе, посвященной проблемам экономической конкуренции, конкурентной¹ и промышленной политики. Активизация внимания к проблеме со стороны научного сообщества объясняется появлением ряда эмпирических фактов, природа которых пока не до конца объяснена современной экономической теорией. Эти факты можно объединить в три блока.

Во-первых, наблюдаются существенные *межстрановые различия в подходах к отраслевому регулированию*. В одних странах правительства склонны ориентироваться на классическую промышленную политику, предполагающую наделение отраслей и предприятий ресурсами; в других – в большей степени полагаются на способность предприятий получать ресурсы на рынке самостоятельно (проконкурентные механизмы, «новая промышленная политика») (Kurdin, Shastitko, 2020). Более того, сущность одних и тех же инструментов при их применении в разных странах может серьезно искажаться: например, так происходит с кластерной политикой, которая из проконкурентного инструмента может превращаться в инструмент классической промышленной политики (Федоров, 2021). К этой же группе фактов можно отнести приверженность правительств в тех или иных странах к проведению рыночных реформ в отдельных отраслях экономики: к

¹ Конкурентная политика – это совокупность мер государственного регулирования, направленных на создание новых рынков и защиту конкурентных условий на существующих рынках в целях обеспечения экономического развития (Kurdin, Shastitko, 2020).

примеру, в работе (Erdgou, 2014) эмпирически показывается значимое влияние институциональной среды на процессы либерализации электроэнергетической отрасли. Не будем останавливать внимание на перечислении подобных примеров из других отраслей – их обзор можно посвятить целое исследование.

Во-вторых, в литературе сохраняется интерес к теме «легкости ведения бизнеса» с точки зрения различного рода *административных барьеров*. Данные барьеры оказывают непосредственное влияние на экономическую конкуренцию, поскольку представляют собой один из видов барьеров входа на рынок (и выхода с него). Например, если провести простое наложение значений индекса «легкости ведения бизнеса» Doing Business 2020² на последний рейтинг стран по политическому индексу Polity IV (Рис. 1), то уже в первом приближении видна некоторая тенденция в сторону смягчения административных барьеров для ведения бизнеса в обществах с более «открытой» институциональной средой.

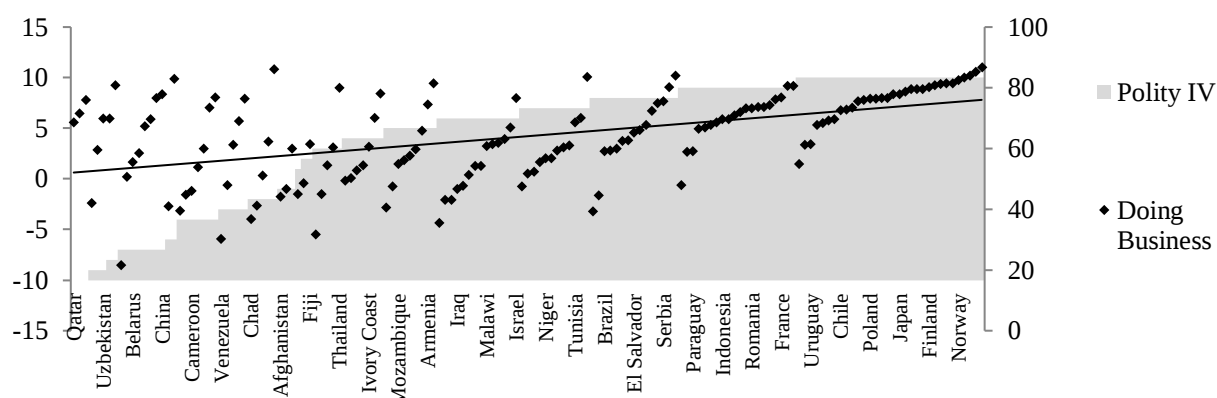

Рис. 1 – Значения индексов Polity IV (лев. ось) и Doing Business 2020 (прав. ось)

Источники: составлено автором по данным Polity IV Project и Всемирного Банка

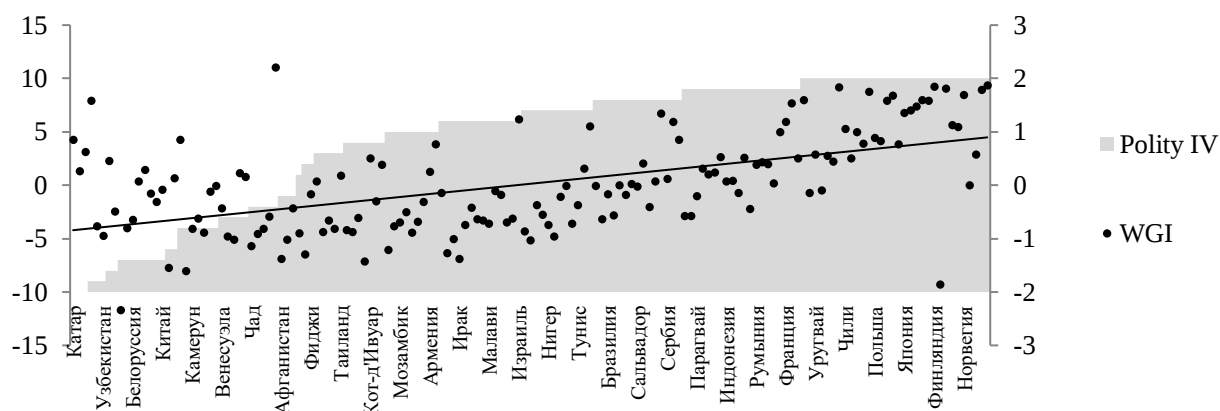

Рис. 2 – Значения индексов Polity IV (лев. ось) и Regulatory Quality WGI (прав. ось)

² Индекс Doing Business оценивает легкость ведения бизнеса по ряду критериев, касающихся административных барьеров на пути создания бизнеса, его функционирования и закрытия. Методология подсчета индекса активно критикуется, однако он использован более чем в 3000 академических исследований и 5000 препринтов в рецензируемых научных журналах (Besley, 2015). Основными направлениями критики является: отсутствие учета неформальных институтов, ежегодный пересмотр методологии и отсутствие учета интересов занятых.

Источники: составлено автором по данным Polity IV Project и Всемирного Банка

Поскольку индекс Doing Business не рассчитывается с 2020 г. в связи с критикой методологии показателя, для подкрепления тезиса демонстрируется аналогичная эмпирическая тенденция на примере субиндекса World Governance Indicator: Regulatory Quality (Рис. 2). Этот субиндекс оценивает способность государства *«не препятствовать ... и способствовать развитию частного сектора»*, учитывает уровень развития конкуренции, регулирование цен и тарифов, свободу осуществления инвестиций, административные барьеры входа и т.д.

В-третьих, большую обеспокоенность у экономистов вызывает практика *применения в отдельных странах мер антимонопольной политики в качестве инструментов экономического регулирования (в связи с особенностями институциональной среды)*. Так, в российском научном сообществе проблема впервые была сформулирована в статье (Шаститко, 2012). В дальнейшем тема получила развитие в работах (Шаститко, Павлова, 2018; Шаститко, Ионкина, 2021; Шаститко, Павлова, 2021; и др.) – в частности, одним из наиболее ярких иллюстраций к проблеме стала норма об индивидуальном злоупотреблении коллективным доминирующим положением на рынке, позволяющая фактически осуществлять ценовое регулирование на рынке инструментами конкурентной политики. В попытках осмыслить причины регуляторного крена в российском антитрасте исследователи приходят к выводу, что антимонопольный орган по некоторым причинам в своей деятельности может отклоняться от официально обозначенных целей. Например, ориентироваться на популярность принимаемых решений у населения (Katcoulacos et al., 2016) и даже – на поддержку отдельных участников рынка (Avdasheva, Shastitko, 2011). Постановка перед антимонопольным органом целевых индикаторов может также искажать его стимулы и приводить к негативным последствиям (Avdasheva, Golovanova, 2016). Важно отметить, что во всех перечисленных случаях снижение эффективности антимонопольного правоприменения связывается с особенностями характеристик институциональной среды.

Если руководствоваться подходом новой институциональной экономической теории (далее – НИЭТ), то корень проблемы может находиться во взаимосвязи между различными уровнями институциональной системы: а именно, между уровнем институциональных соглашений и институциональной средой. На эту взаимосвязь указывал в своей работе О. Уильямсон (Williamson, 1991, р. 287), предполагая, что уровень защищенности прав собственности и риски их принудительного отчуждения могут повышать меру неопределенности. В свою очередь, мера неопределенности является фактором при выборе оптимального механизма управления трансакциями – рыночного, гибридного или

иерархического. Развивая эту идею, мы попытаемся объяснить механизм взаимосвязи между институциональной средой и экономической конкуренцией, рассматривая последнюю в качестве синонима рыночного механизма управления транзакциями.

Изложение организовано следующим образом. В первом разделе проводится обзор предыдущих работ по теме влияния институциональной среды на экономическую конкуренцию. Второй раздел посвящен анализу дискретных структурных альтернатив (рыночного, гибридного и иерархического механизмов) через призму прав собственности. В третьем разделе обосновывается предположение о том, что защита прав собственности является каналом влияния институциональной среды на экономическую конкуренцию. Далее предлагается объяснение выдвигаемой гипотезы на примере функционирования сектора государственных закупок. В заключительном разделе изложены ключевые ограничения теоретической модели и предлагаются направления для дальнейших исследований.

2. Экономическая конкуренция в контексте общественного устройства – институциональный подход

Впервые проблема влияния общественного устройства на развитие экономической конкуренции в работах НИЭТ была вскользь затронута М. Олсоном³ в работе «Логика коллективных действий» (Olson, 1965). М. Олсон рассматривал экономическую конкуренцию с позиции интересов участников открытых (инклюзивных) и закрытых (эксклюзивных) групп. В этой концепции эксклюзивность доступа к группе была связана с ограниченностью распределяемых внутри группы рент (примером служило картельное соглашение), а инклюзивность, напротив, – с неконкурентностью в потреблении⁴.

Как уже говорилось ранее, вновь идеи о наличии взаимосвязи между экономической конкуренцией и институциональной средой прозвучали в работе О. Уильямсона (Williamson, 1991), где институциональная среда оказывала влияние на выбор механизма управления транзакциями через параметр неопределенности в процессе осуществления договорных отношений.

Вновь проблема была обозначена в работе «Насилие и социальные порядки» Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста (North et al., 2009)⁵. Преимуществом модели,

³ Упоминание М. Олсона в этом контексте неслучайно, поскольку он является соавтором модели «оседлого бандита», во многом перекликающейся с концепцией «социальных порядков», ставшей одной из ключевых моделей в НИЭТ, описывающих различия в институциональных средах.

⁴ Саму экономическую конкуренцию можно рассматривать как благо, которое неконкурентно в потреблении.

⁵ В работах (van Besouw, 2016; van Bavel et al., 2017) концепция Д. Норта и др. переведена в вид формальной математической модели.

разработанной авторами данной концепции, является разграничение способов монополизации насилия в обществе в соответствии с «пороговыми условиями» открытых социальных порядков. Рассмотрение политического устройства государства с таких позиций позволяет абстрагироваться от конкретных механизмов осуществления общественного выбора и учитывать фактически получаемую в результате такого выбора институциональную среду. Подробнее сущность концепции применительно к проблеме экономической конкуренции будет рассмотрена в соответствующем разделе. Здесь же только отметим, что, по мнению Д. Норта и др., более «открытый» социальный порядок, в котором силовые структуры консолидированы, соблюдается принцип верховенства права для элит, и функционируют неперсонифицированные организации, способствует развитию экономической конкуренции.

Схожие идеи опубликованы в работе Д. Асемоглу и Д. Робинсона «Why nations fail» в 2012 г. (Acemoglu, Robinson, 2012). Здесь авторы рассматривают институциональную среду через противопоставление «экстрактивных» и «инклюзивных» институтов, что в целом перекликается с ранее упомянутыми идеями: «инклюзивные» и «экслюзивные» группы у М. Олсона, «открытые» и «ограниченные» порядки у Д. Норта и т.д. Вместе с тем, авторы соглашаются с тезисом об отсутствии прямой связи между политическим режимом или механизмом общественного выбора с одной стороны, и институциональной средой – с другой. Существование «экстрактивных» институтов в форме «лазеек в законодательстве», неформальных договоренностей и т.п. может сделать институциональную среду неблагоприятной для конкуренции при любом политическом режиме и любом механизме общественного выбора.

Как видно из вышеизложенного анализа, пока что нет возможности утверждать о наличии единой модели взаимосвязи экономической конкуренции (в виде рыночного механизма управления транзакциями) и институциональной среды в НИЭТ. Таким образом, идея О. Уильямсона о роли институциональной среды в процессе определения оптимального механизма управления транзакциями остается нераскрытой.

Также нельзя не упомянуть про альтернативный взгляд на проблему, предлагаемый представителями австрийской школы. Этот взгляд оформился в т.н. гипотезу Хайека-Фридмана, смысл которой заключается в предположении о жесткой взаимообусловленности политических и экономических свобод. Интересная попытка проанализировать гипотезу с институциональной точки зрения представлена в (Karás, Czeglédi, 2018).

Далее отметим, что накоплен большой пласт литературы, посвященной проверке взаимосвязи между характеристиками институциональной среды и экономической

конкуренции на эмпирических данных. Так, исторический анализ влияния групп интересов на установление проконкурентных правил игры в Германии XIX века представлен в статье (Wegner, 2015). Приверженность рыночному механизму управления трансакциями в исследовании (Weymouth, 2016) объясняется соотношением политических сил проконкурентной коалиции «аутсайдеров» и антиконкурентной группы «инсайдеров», заинтересованных в сохранении контроля за экономическими рентами: гипотеза успешно тестируется на панельных данных по 155 странам мира. Влияние на проконкурентность экономической политики правительства идеологических ⁶ предпочтений в обществе находит эмпирическое подтверждение в 21 стране ОЭСР (Potafke, 2010). В работе (Foer, 2018) исследуются культурные истоки предпочтений, отдаваемых субъектами экономической политики в пользу установления проконкурентных или антиконкурентных правил игры. Эмпирическое исследование (Lee, Vanino, 2018) привело авторов к выводу об увеличении цен в секторе неторгуемых⁷ товаров при наличии экстрактивных институтов в обществе. Наличие серьезного разрыва между конкурентными ценами и реально установленными ценами в колониальных режимах показано в статье (Tadei, 2018). В работе (Gultom, 2021) демонстрируется снижение эффективности функционирования компаний, работающих с государством в одной и той же стране при переходе от социального порядка открытого доступа к ограниченному. В исследовании (Asiimwe, 2013) на примере кофейной индустрии в Уганде показано, как отсутствие верховенства права позволило правящей элитной группе извлекать ренту через установление государственной монополии на торговлю кофе. В работе (Wolff, 2020) также демонстрируется приверженность стран со слабыми институтами защиты прав собственности к классическим мерам промышленной политики и протекционизму. Автор анализирует ситуацию с запретом импорта «секонд-хенда» в ряде африканских стран с целью защиты национальных производителей и приходит к выводу, что длительное время придерживаться такой политики смогли только страны, в которых интересы потребителей и локальных ритейлеров могли не учитываться политиками.

Возвращаясь к отечественной литературе, помимо уже упоминавшихся работ, следует обратить внимание на исследование, в котором анализируются попытки экономических агентов повлиять на институциональную среду путем совместных политических действий (Яковлев, 2012; Yakovlev et al., 2014). Тесно связан с нашей предметной областью и пласт научной литературы, написанной в рамках т.н. концепции

⁶ Имеется в виду идеология как выражение групповых политических интересов.

⁷ Товары, которые не экспортируются за рубеж.

«власти-собственности», где исследуются процесс и последствия сращивания политической и экономической власти (Плискевич, 2008).

Впрочем, увеличение числа как теоретических, так и эмпирических исследований пока не привело к формированию единых рамок учета институциональной среды при анализе развития и защиты экономической конкуренции. В попытке заполнить данный «пробел» далее мы проанализируем взаимосвязь концепций О. Уильямсона и Д. Норта и др. (относящихся к двум разным направлениям исследований в рамках НИЭТ) с целью идентифицировать каналы влияния институциональной среды на экономическую конкуренцию.

3. Права собственности при различных механизмах управления транзакциями

«Чтобы конкуренция приносила благоприятные результаты, ее участники должны соблюдать определенные правила поведения, а не прибегать к физической силе» (Хайек, 1992, с. 38). Это утверждение Ф. фон Хайека служит подходящим прологом к обсуждению механизмов управления транзакциями через призму прав собственности.

Насилие, понимаемое в НИЭТ как физическое ограничение спектра доступных индивиду стратегий поведения (Шаститко, 2002, 492 с.), по сути является ничем иным, кроме как способностью ограничивать полноценную реализацию «пучка прав» собственности на актив. И если это насилие применяется вне принципа верховенства права, т.е. специфицируемые права собственности не подкреплены достоверными обязательствами со стороны государства, то любые действия с правами собственности (транзакции) начинают происходить в условиях большей неопределенности.

Неопределенность, в свою очередь, представляет собой один из трех факторов, влияющих на выбор оптимального механизма управления транзакциями (Williamson, 1991) – другими двумя факторами являются специфичность активов и частота сделок. Оптимальный выбор механизма управления транзакциями в каждом конкретном случае, по О. Уильямсону, – это одна из дискретных альтернатив: рынок, гибрид или иерархия (Таблица 1).

Таблица 1

Механизмы управления транзакциями: рынок, гибрид и иерархия

	Рынок	Гибрид	Иерархия
Доминирующий тип транзакций	Обмен	Рационирование	Управление
Адаптируемость к изменениям	Высокая	Средняя	Низкая

Административный контроль	Отсутствует	Слабый	Сильный
Тип контракта	Классический	Неоклассический или отношенческий с двусторонней/ трехсторонней структурой управления	Отношенческий с односторонней структурой управления
Права собственности	Все права собственности на актив реализуются в полной мере	Полная реализация прав собственности ограничена гибридным институциональным соглашением	У одного из участников транзакции нет прав собственности на активы
Персонифицированность транзакций	Неперсонифицированные	Персонифицированные	-
Избирательность транзакций	Избирательные	Ограниченно избирательные	Неизбирательные

Источник: составлено автором по (Williamson, 1991) и (Шаститко, 2002)

Обратим внимание на то, что только в условиях рыночного механизма права собственности реализуются свободно: в случаях гибридного институционального соглашения и иерархии они ограничены. Так, гибридное институциональное соглашение предполагает двустороннюю или трехстороннюю (с арбитром) структуру управления, а это значит, что профиль стратегий реализации прав собственности здесь, как минимум, ограничен действиями контрагента и/или арбитра. Иерархия же вовсе предполагает несамостоятельность одного из участников транзакций, а это означает отсутствие возможности суверенно распоряжаться правами собственности. В частности, такие особенности механизмов управления транзакциями различных видов отражаются в неизбирательности транзакций – только в рамках рыночного механизма и, соответственно, классического контракта обеспечивается максимальная свобода выбора параметров договора.

Еще одной особенностью транзакций, происходящих в рамках гибридного институционального соглашения, является их персонифицированность. Специфичность активов и высокая степень неопределенности зачастую вынуждают контрагентов выстраивать «отношенческий контракт» в целях снижения транзакционных издержек. Такой контракт предполагает сокращение риска, но и серьезным образом трансформирует природу осуществляемых транзакций: их персонифицированность окажется существенной характеристикой далее, когда мы будем говорить об институциональной среде.

Таким образом, рыночный механизм управления транзакциями, при котором обеспечивается полная реализация всего «пучка прав» собственности на актив, представляет собой условие для обеспечения принципа «равенства возможностей», необходимого для развития и защиты экономической конкуренции (Motta, 2003). Равенство возможностей реализовывать права собственности на актив, совершая избирательные

транзакции, обеспечивается защищенностью этих прав достоверными обязательствами со стороны государства. Однако случай, когда государство не обеспечивает достоверность таких обязательств и может по каким-либо причинам нарушать принцип верховенства права, потенциально может искажать стимулы установления того или иного механизма управления транзакциями — по видимому, в сторону неизбирательности транзакций (гибридные и иерархические механизмы). При каких условиях происходит такое искажение, и чем руководствуются политики в принятии подобных решений, попытаемся проанализировать далее, привлекая концепцию «социальных порядков» Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста.

4. Защита прав собственности как критерий открытости социального порядка

Как было сказано ранее, обеспечение избирательности транзакций (а соответственно — установление рыночного механизма управления ими) возможно только в условиях достоверности обязательств государства по защите прав собственности. Однако, как указывают авторы концепции «социальных порядков» (North et al., 2009), это условие не всегда выполняется: в 175 из 200 стран мира установлен социальный порядок «ограниченного доступа», не предполагающий соблюдение принципа верховенства права.

Согласно концепции, предложенной Д. Нортом и др., все общества (за исключением первобытных и анархических) можно разделить на порядки «открытого» и «ограниченного» доступа. Различие в социальных порядках возникает в связи с разными подходами к монополизации насилия: в порядках ограниченного доступа (естественных государствах) насилие монополизируется элитой, использующей его в целях извлечения ренты; в порядках открытого доступа насилие применяется в интересах всего сообщества граждан (North et al., 2009). В порядках ограниченного доступа государство создает «экстрактивные институты» для извлечения ренты из национальной экономики, в порядках открытого доступа — «инклюзивные институты», призванные вовлечь всех граждан в принятие решений о применении насилия, чтобы учесть их интересы (Acemoglu, Robinson, 2012). Важно отметить, что трансплантация институтов из порядка открытого доступа в «естественное государство» может заканчиваться дисфункцией этих институтов (Полтерович, 2001; Плискевич, 2013).

Д. Норт и др. также предлагают формальные критерии, согласно которым можно определять, является ли социальный порядок «открытым» – т.н. пороговые условия⁸ (Таблица 2).

Таблица 2

Пороговые условия перехода в порядок открытого доступа

№	Пороговые условия ⁹	Порядок ограниченного доступа	Порядок открытого доступа
1	Верховенство права	Отсутствует или неразвито (ввиду <i>наделения элиты привилегиями</i>)	<i>Все граждане подчиняются</i> принципу верховенства права (<i>одинаково</i>)
2	Постоянно действующие организации	Постоянно действующие организации вне контроля государства маловероятны. Создание организаций <i>предполагает разрешительные процедуры личного характера</i> («патрон-клиент») ¹⁰ .	Постоянно действующие организации, не зависящие от государства и обладающие обезличенной социальной идентичностью, многочисленны и разнообразны, а <i>создание их основано на соблюдении минимальных общих требований</i> , соответствующих уведомительному порядку, а также на защите обязательственных прав (относительных прав собственности)
3	Контроль насилия	<i>Децентрализованный</i> (?), основанный на <i>коалиции группы индивидов внутри элиты</i>	<i>Консолидированный</i> , опирающийся на политические механизмы, функционирующие в соответствии с принципами свободного доступа, обеспечивающими <i>включенность и равенство</i> широко распространенное за пределы элиты (в идеале – всеобщее).
4	Свобода входа в сферы экономической деятельности	Ограничена разрешительными условиями (но не закрыта), включая <i>личное отношение уполномоченных лиц</i> (прямое или опосредованное).	<i>Не ограничена (личным отношением уполномоченных лиц)</i> , хотя вход и не является всеобщим

Источник: (Шаститко, 2012)

Если проанализировать пороговые условия, то можно отметить следующие особенности осуществления транзакций в двух разных социальных порядках.

Обязательства государства по защите прав собственности в порядках ограниченного доступа не являются достоверными. Это означает, что установление государством излишних ограничений на свободную реализацию прав собственности не сдерживается никакими механизмами (судебной системой, политической конкуренцией и т.д.). Следовательно, в случае собственной заинтересованности участники элитной группы способны сокращать экономическим агентам спектр стратегий, доступных для реализации. Тем самым политики могут в личных интересах устанавливать различного рода гибридные и иерархические механизмы управления транзакциями в той или иной экономической сфере или отрасли. В этой связи еще раз следует упомянуть о довольно популярной в

⁸ В работе (Авдеева и др., 2017) проводится интересная попытка квантификации данных пороговых условий в целях эмпирического анализа социальных порядков.

⁹ К «пороговым условиям», согласно работе (North et al., 2009), относятся только первые три критерия. Однако свобода входа в сферы экономической деятельности является необходимым следствием из пороговых условий (Шаститко, 2012).

¹⁰ Также см. (Заостровцев, 2014)

российском научном дискурсе концепции «власти-собственности», которая также предполагает связь между наличием способности осуществлять насилие (нахождением в элитной группе) и возможностью защищать и свободно реализовывать права собственности на экономические активы.

В порядках ограниченного доступа создание и функционирование организаций требует *разрешительных процедур личного характера*. Эта особенность фактически означает, что в условиях порядка ограниченного доступа приоритетной является отношенческая контрактация, а заключение классического (и даже – неоклассического) контракта возможно далеко не во всех случаях.

Почему *отсутствие консолидированного контроля над применением насилия* также несовместимо с функционированием рыночного механизма, можно понять из актуального высказывания Л. фон Мизеса: «... конкуренция – это соревнование между индивидами, которые хотят превзойти друг друга. Нельзя применять к конкуренции термины, присущие войне, междоусобному конфликту, атаке и обороне... Те, кто проигрывает, ... перемещаются на место в социальной системе, более скромное, но и более подходящее для них.» (Mises, 1996, p. 274)

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что «пороговые условия», являющиеся критериями перехода от одной институциональной среды к другой, тесно связаны с факторами, влияющими на выбор оптимального механизма управления транзакциями. Раскрыть эту связь мы попытаемся далее на примере функционирования сектора государственных закупок.

5. Влияние социального порядка на выбор механизма управления транзакциями на примере сектора государственных закупок

Далее попробуем проанализировать логику выбора политиком ¹¹ механизма управления транзакциями под воздействием фактора институциональной среды на примере государственных закупок. Представим, что политик-оппортунист пытается организовать победу фирмы-клиента в конкурсных процедурах. Фирма-клиент может быть интересна ему с разных точек зрения: как источник нелегального дохода; как способ получить политическую поддержку, помогая социально значимому предприятию; как носитель политической лояльности и т.д. Все это объединим формальным термином «доход»,

¹¹ Под «политиком» будем подразумевать любого индивида, наделенного способностью физически ограничивать остальным спектр доступных стратегий.

предполагая, что в конечном итоге политика-оппортуниста интересует финансовый результат. При этом политик-оппортунист в ходе реализации своего намерения может столкнуться с препятствиями, выстраиваемыми институциональной средой: политической конкуренцией, независимостью судебной системы, независимостью средств массовой информации, активностью гражданского общества и т.п. Институциональная среда, как мы уже говорили ранее, может помешать реализации планов политика-оппортуниста верховенством права, неприемлемостью персональных разрешительных процедур (связь с фирмой-клиентом) и консолидированным контролем за аппаратом насилия.

Итак, политик-оппортунист, максимизирующий собственный доход¹² (I), организует конкурсную процедуру госзакупки и может выбрать три дискретные альтернативы: открытый конкурс, конкурс с ограниченным участием и закупку у единственного поставщика. Эти три альтернативы, соответственно, эквивалентны рынку, гибриду и иерархии в терминах механизмов управления транзакциями. Также мы вводим предпосылку, что перераспределительные эффекты внутри элитной группы политиков отсутствуют. Следовательно, если решение принимают N политиков коллегиально, то каждый из них будет максимизировать I_n , и это приведет к увеличению общей суммы выигрышей политиков $\sum_{i=1}^N I_i$. Допустим также, что политик принимает решение самостоятельно, не делегируя принятие этого решения никому. Тогда функция дохода политика I выглядит следующим образом:

$$I = \tau(P - c_t) + R(1 - r) \quad (1)$$

Доход является суммой двух составляющих. Первое слагаемое – это доход от эффективного регулирования (в терминах минимизации транзакционных издержек): чем больше экономия при госзакупке, и чем меньший объем транзакционных издержек ей сопутствовал, тем больше выигрыш. Как мы покажем далее, в более открытом социальном порядке политик склонен ориентироваться на эту компоненту. Выгода общества от эффективного регулирования равна разнице между некоторым оптимальным уровнем общественного благосостояния $P = const$, который можно достичь в условиях минимизации транзакционных издержек в процессе госзакупки, и фактическим уровнем этих издержек c_t . При этом политик получает в качестве дохода часть данной выгоды умножением ее на ставку налога $\tau > 0$. Так как нас интересует выбор механизма управления транзакциями

¹² Прямо пропорционально связанный с полезностью.

(здесь – механизма госзакупки), а не уровня налогообложения, то ставка налога будет предствалена в виде экзогенно заданной константы.

Второе слагаемое представляет собой доход от ренты R , извлекаемой за счет фирмы-клиента. Размер этой ренты может подвергаться систематическому риску r , связанному с механизмом управления транзакциями. Риск представляет собой вероятность $r \in [0, 1]$ потери ренты R . Дело в том, что в случае, если политик выберет открытый конкурс или «недостаточно» ограничит в нем участие, то конкуренция 1) *может привести к потере ренты, извлекаемой через фирму-клиента, размывая эту ренту в процессе соперничества (из-за приближения нормы прибыли фирмы-клиента к конкурентному уровню)*. Кроме того, 2) в еще более негативном (для политика-оппортуниста) сценарии конкуренция *приведет к столкновению экономических интересов с другими членами элитной группы*, что негативно повлияет на стабильность сговора в порядке ограниченного доступа. Следовательно, чем механизм управления транзакциями ближе к рыночному, тем больше риск потери ренты – только иерархические и гибридные механизмы помогают избежать этот риск посредством административного контроля (Williamson, 1991). Как мы уже говорили ранее, транзакции в гибридных и иерархических механизмах ограниченно избирательные или полностью неизбирательные, что позволяет политику-оппортунисту полностью контролировать как выбор нужного ему контрагента для фирмы-клиента, так и параметры самой контрактации. Поэтому мы предполагаем, что по мере перехода к иерархии от рынка через гибридные механизмы риск r будет сокращаться. Введем переменную $M_{\text{набл.}} \in [0, 1]$, которая обозначает «степень зарегулированности» транзакций и равна нулю в случае рынка (здесь – открытого конкурса), а единице – в случае абсолютной иерархии (здесь – закупки у единственного поставщика). Тогда, если допустить прямую линейную связь механизма с ранее обозначенным риском, то $r = 1 - M_{\text{набл.}}$, т.е. чем больше транзакций находятся под контролем, тем меньше риск потери ренты.

Теперь вернемся к первому слагаемому и фигурирующему в нем уровню транзакционных издержек c_t . Этот уровень зависит оттого, насколько выбранный механизм управления транзакциями соответствует специфичности активов, частоте совершаемых транзакций и подверженности этих транзакций неопределенности (Williamson, 1991). Тогда можно допустить, что c_t является функцией от той меры, насколько выбираемый политиком механизм управления $M_{\text{набл.}}$ отклоняется от эффективного в данном конкретном случае $M_{\text{опт.}} \in [0, 1]$ с некоей постоянной

эластичностью¹³ $\mu > 1$. Мы вводим предпосылку о том, что политики проявляют склонность к регулированию: т.е. $M_{\text{набл.}}^{\mu} / M_{\text{опт.}} \geq 1$. Эта предпосылка объясняется тем, что общество отводит политикам функцию регулирования, и, действуя в логике бюро, максимизирующего свой бюджет, политик скорее возложит на себя дополнительные регуляторные полномочия, чем откажется от них. В наиболее оптимальном для уровня общественного благосостояния случае дробь будет равна единице. В свою очередь, операционализируя идею (Williamson, 1991) об оптимизации транзакционных издержек путем выбора механизма управления транзакциями, представим $M_{\text{опт.}}$ в виде функции:

$$M_{\text{опт.}} = \xi s^{\alpha} f^{\beta} u^{\gamma} \quad (2)$$

Переменные s, f и u представляют собой индексы $\in [0, 1]$, которые оценивают, соответственно, специфичность активов, редкость¹⁴ транзакций, и степень неопределенности. Эти факторы объединены в функцию Кобба-Дугласа, поскольку предполагается их взаимозаменяемость, а также постоянная эластичность их влияния ($\alpha \geq 0, \beta \geq 0$ и $\gamma \geq 0$) на выбор оптимального (для общества) механизма управления транзакциями (в данном случае – механизма осуществления госзакупки). Более того, такая форма функции удобна для дальнейшего преобразования с целью эмпирической апробации модели. Коэффициент ξ является постоянным «технологическим» коэффициентом.

Итак, учитывая изложенный анализ, мы можем преобразовать (1) в следующую оптимизационную задачу с управляемым коэффициентом $M_{\text{набл.}}$ (0 – при рынке / открытом конкурсе, 1 – при иерархии / закупке у единственного поставщика):

$$I = P\tau - \tau c_t + R(1 - r) \rightarrow \max \quad (3)$$

$$I = P\tau - \tau \frac{M_{\text{набл.}}^{\mu}}{\xi s^{\alpha} f^{\beta} u^{\gamma}} + R \cdot M_{\text{набл.}} \rightarrow \max_{M_{\text{набл.}}} \quad (4)$$

Осталось проанализировать переменную R . Это потенциальный объем ренты, которую политик может извлечь в случае обеспечения нулевого уровня риска: т.е. тот максимальный выигрыш, ради которого он может пойти на установление неэффективного

¹³ Предполагаем, что «излишняя зарегулированность» приводит к нарастающему увеличению транзакционных издержек ($\mu > 1$) – такой характер связи продемонстрирован на «интуитивных» визуализациях автором концепции механизмов управления транзакциями (Williamson, 1991).

¹⁴ Инверсия частоты транзакции используется, чтобы не помещать число < 1 в знаменатель дроби: если использовать показатель частоты транзакций, то для демонстрации отрицательной связи в функции Кобба-Дугласа пришлось бы допустить значения $\beta < 0$.

(с точки зрения общественного благосостояния) механизма госзакупки. Во-первых, этот параметр зависит от объема регулируемой экономической сферы и характеристик, благоприятствующих или, наоборот, препятствующих извлечению ренты. Допустим, что это те же характеристики, что известны из теории отраслевых рынков: эластичность спроса на рынке, рыночная концентрация, продуктовая дифференциация и т.д. Например, для извлечения ренты политик-оппортунист при прочих равных скорее выберет крупную закупку на рынке с меньшим числом конкурентов на рынке. Во-вторых, и это ключевой параметр, вводимый в модель, это то, насколько институциональная среда позволит политику извлекать потенциально доступный объем ренты. В одних странах политик сможет беспрепятственно извлекать ренту из обнаруженного источника, в других, более открытых – столкнется с действием верховенства права, политическими и репутационными потерями. Все эти механизмы, как мы говорили ранее, обеспечивают достоверность обязательств политика защищать права собственности и не ограничивать их в целях персональной выгоды. Принимая те же предпосылки, что и ранее, здесь также вводим обозначенные характеристики в виде функции Кобба-Дугласа:

$$R = AS^z C, \text{ где } z \geq 0 \quad (5)$$

A – технологический коэффициент, $S \in [0, 1]$ – степень ограниченности доступа в социальном порядке, измеренная через политические индексы, $C = f(\dots)$ – функция отраслевых характеристик вида Кобба-Дугласа, поддающаяся преобразованию в линейный вид путем логарифмирования. Подставляем (5) в (4):

$$I = P\tau - \tau \frac{M_{\text{набл.}}^\mu}{\xi s^\alpha f \beta u^\gamma} + AS^z C \cdot M_{\text{набл.}} \rightarrow \max_{M_{\text{набл.}}} \quad (6)$$

Теперь все переменные поддаются квантификации, и в явном виде представлена управляемая переменная, по которой политик будет оптимизировать целевую функцию. Возьмем производную дохода политика (6) по $M_{\text{набл.}}$ и получим оптимальное решение.

$$-\frac{\mu \tau M_{\text{набл.}}^{\mu-1}}{\xi s^\alpha f \beta u^\gamma} + AS^z C = 0 \quad (7)$$

$$AS^z C = \frac{\mu \tau M_{\text{набл.}}^{\mu-1}}{\xi s^\alpha f \beta u^\gamma} \quad (8)$$

$$\mu \tau M_{\text{набл.}}^{\mu-1} = AS^z C \xi s^\alpha f \beta u^\gamma \quad (9)$$

$$M_{\text{набл.}}^{\mu-1} = \frac{A\xi}{\mu\tau} \cdot S^z C \cdot s^\alpha f^\beta u^\gamma \quad (10)$$

Далее прологарифмируем уравнение (10). Это позволит нам оставить в левой части только интересующую нас результирующую переменную $M_{\text{набл.}}$.

$$(\mu - 1)\ln(M_{\text{набл.}}) = \ln\left(\frac{A\xi}{\mu\tau}\right) + z \ln(S) + \ln(C) + \alpha \ln(s) + \beta \ln(f) + \gamma \ln(u) \quad (11)$$

$$\ln(M_{\text{набл.}}) = \frac{\ln\left(\frac{A\xi}{\mu\tau}\right)}{\mu-1} + \frac{z}{\mu-1} \ln(S) + \frac{1}{\mu-1} \ln(C) + \frac{\alpha}{\mu-1} \ln(s) + \frac{\beta}{\mu-1} \ln(f) + \frac{\gamma}{\mu-1} \ln(u) \quad (12)$$

$$M_{\text{набл.}} = \exp\left(\frac{\ln\left(\frac{A\xi}{\mu\tau}\right)}{\mu-1} + \frac{z}{\mu-1} \ln(S) + \frac{1}{\mu-1} \ln(C) + \frac{\alpha}{\mu-1} \ln(s) + \frac{\beta}{\mu-1} \ln(f) + \frac{\gamma}{\mu-1} \ln(u)\right) \quad (13)$$

Таким образом, в уравнении (13) мы получаем модель бинарного выбора между открытым конкурсом (рынком) и закупкой у единственного поставщика (иерархией). $M_{\text{набл.}}$ принимает значение 1 в случае иерархии и 0 в случае рынка. Можно заметить, что специфичность активов, редкость транзакций и неопределенность, как это и предполагал О. Уильямсон, положительно влияют на вероятность выбора более иерархического механизма (в данном случае – закупки у единственного поставщика). Например, закупка оборонной продукции, ввиду нерегулярности и низкой альтернативной стоимости активов, очевидно, будет производиться скорее в конкурсе с ограниченным участием или же закупкой у единственного поставщика. Однако, наряду с этими факторами, положительное влияние на выбор иерархического механизма оказала степень «ограниченности» социального порядка. Институциональная среда, не обременяющая политика-оппортуниста политической конкуренцией, правовыми санкциями и т.п., увеличивает его интерес к возможности ограничить конкуренцию и извлечь ренту через фирму-клиента. Также заметим, что коэффициент эластичности для каждого фактора оказывается нормирован на разницу между фактическим и пропорциональным ростом транзакционных издержек в случае «избыточной» зарегулированности. Это означает, что положительное влияние каждого из факторов на ограничение конкуренции взвешивается политиком-оппортунистом на прирост транзакционных издержек, снижающий его эффективность в качестве защитника «общественных интересов».

6. Заключение

В итоге проведенного анализа мы пришли к выводу о том, что три пороговых условия перехода одного социального порядка в другой (по Д. Норт) тесно связаны с

характеристиками альтернативных механизмов управления транзакциями (по О. Уильямсону). Следовательно, институциональная среда способна оказывать влияние на то, какой механизм управления транзакциями с большей вероятностью будет установлен в той или иной экономической сфере. Отсутствие достоверных обязательств по защите прав собственности, наличие разрешительных процедур личного характера и отсутствие консолидированного контроля за применением насилия позволяют политикам-оппортунистам извлекать ренту, не опасаясь рисков, связанных с юридической ответственностью, политической конкуренцией, репутационными потерями и т.п. Политик, влияя на принятие решения по поводу механизма управления транзакциями, минимизирует свой риск потери ренты, предпочитая механизмы с большим административным контролем и меньшей избирательностью транзакций (иерархические и гибридные механизмы вместо рыночных). Мы показали эту тенденцию с помощью формальной модели на примере выбора механизма осуществления государственной закупки.

Еще одним интересным результатом является выявленный своего рода эффект «замещения» одних рисков другими. Если транзакции не связаны с неопределенностью для игроков на рынке или предприятий отрасли, то это не значит, что будет установлен более рыночный механизм управления: риски политика потерять ренту тоже будут иметь значение.

Вместе с тем, предложенная модель обладает рядом недостатков. Во-первых, она не описывает ситуации, при которых выбор механизма управления транзакциями уже сделан, а регулятор вмешивается в этот механизм дискреционно (что и происходит в случае некорректного использования инструментов антимонопольной политики). Во-вторых, могут иметь место случаи вертикальной связи между регулируемыми рынками, когда политик-оппортунист будет заинтересован в большей конкуренции на смежных рынках и поэтому начнет способствовать установлению там рыночного механизма управления транзакциями. В-третьих, и это не менее важно, взаимоотношения внутри элиты в порядках ограниченного доступа носят весьма личный характер, что сильно ограничивает применение формальной математической модели и требует дополнительного анализа с альтернативного ракурса¹⁵. Дальнейшие исследования могут быть посвящены попыткам преодолеть эти недостатки а также провести эмпирическую апробацию предложенной модели.

Список литературы

¹⁵ Например, с помощью каузального подхода австрийской экономической школы.

1. Acemoglu D., Robinson J. (2012) *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. N.Y.: Crown Publishing Group
2. Asiiimwe G.B. (2013) From monopoly marketing to coffee mangedo: responses to policy recklessness and extraction in Uganda, 1971-79, *Journal of Eastern African Studies*, (7), 104 – 124.
3. Avdasheva S., Golovanova S. (2016) Distorting effects of competition authority's performance measurement: the case of Russia, *International Journal of Public Sector*, 29(3), 288 – 306.
4. Avdasheva S., Shastitko A. (2011) Russian anti-trust policy: power of enforcement versus quality of rules, *Post-Communist Economies*, 23(4), 493 – 505.
5. Besley T. (2015) Law, regulation, and the business climate: the nature and influence of the World Bank Doing Business project. *Journal of economic prosperities*, (3), 99 – 120.
6. Besley T. (2015) Law, regulation, and the business climate: the nature and influence of the World Bank Doing Business project. *Journal of economic prosperities*, (3), 99 – 120.
7. Center for Systemic Peace (2015) Polity IV Project. Political Regime Characteristics and Transitions, 1800-2015. <http://www.systemicpeace.org/inscr/p4manualv2015.pdf>
8. Davis L., North D. (1971) *Institutional Change and American Economic Growth*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Erdogu E. (2014) The political economy of electricity market liberalization: A cross-country approach, *Energy Journal*, 35(3), 91 – 128.
10. Foer A.A. (2018) Culture, economics, and antitrust: the example of trust. *The Antitrust Bulletin*, (63), 65 – 103.
11. Gultom Y.M.L. (2021) When extractive political institutions affect public-private partnerships: Empirical evidence from Indonesia's independent power producers under two political regimes. *Energy policy*, (149)
12. Kapás J., Czeglédi P. (2018) Social orders, and a weak form of the Hayek-Friedman hypothesis. *International Review of Economics*, (65), 291 – 328.
13. Katsoulacos Y., Avdasheva S., Golovanova S. (2016) Legal standards and the role of economics in Competition Law enforcement, *European Competition Journal*, 12(2), 1 – 21.
14. Kurdin A., Shastitko A. (2020) The new industrial policy: a chance for the BRICS countries, *BRICS Journal of economics*, (1), 60 – 80.
15. Mises L. (1996) *Human action: a Treatise on Economics*. – 3th rev. ed. – New Haven: Yale University Press.

16. Motta M. (2003) Competition policy: Theory and Practice. – Cambridge: Cambridge university press.
17. North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009) Violence and social orders: a conceptual framework of interpreting recorded human history. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Olson M. (1965) The Logic of collective action. Public goods and the theory of groups. Cambridge: Harvard University Press.
19. Potrafke N. (2010) Does government ideology influence deregulation of product markets? Empirical evidence from OECD countries. *Public Choice*, (143), 135 – 155.
20. Tadei F. (2018) The long-term effects of extractive institutions: evidence from trade policies in colonial French Africa. *Economic history of developing regions*, (33), 183 – 208.
21. van Bavel B., Ansink E., van Besouw B. (2017) Understanding the economics of limited access orders: incentives, organizations and the chronology of developments. *Journal of Institutional Economics*, (13), 109 – 131.
22. van Besouw B., Ansink E., van Bavel B. (2016) The economics of violence in natural states. *Journal of Economic Behaviour & Organization*, (132), 139 – 156.
23. Vanino E., Lee, S. (2018) Extractive institutions in non-tradeable industries. *Economics letters*, (170), 10 – 13.
24. Wegner G. (2015) Capitalist transformation without political participation: German capitalism in the first half of the nineteenth century. *Constitutional Political Economy*, (26), 61 – 86.
25. Weymouth S. (2016) Competition politics: interest groups, democracy, and antitrust reform in developing countries. *The Antitrust Bulletin*, (61), 296 – 316.
26. Williamson O. (1991) Comparative economic organization: the analysis of discrete structural alternatives, *Administrative Science Quarterly*, 36(2), 269 – 296.
27. Wolff E.A. (2020) The global politics of African industrial policy: the case of the used clothing ban in Kenya, Uganda and Rwanda, *Review of international political economy*, (5), 1308 – 1331.
28. World Bank (2020) Doing Business. <https://www.doingbusiness.org/en/doingbusiness>
29. World Bank (2020) Worldwide Governance Indicators. <http://info.worldbank.org/governance/wgi/>
30. Yakovlev A., Sobolev, A., Kazun, A. (2014) Means of production versus means of coercion: can Russian business limit the violence of a predatory state? *Post-Soviet Affairs*, (30), 171 – 194.

31. Андреева А.А., Ионкина К.А., Санишвили Т.Т. (2017) Эмпирический подход к сравнению социальных порядков, *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал*, (2), 51 – 71.
32. Плискевич Н.М. (2008) Система «власть – собственность» в современной России. *Вопросы экономики*, (5), 119 – 126.
33. Плискевич Н.М. (2013) Возможности трансформации в России и концепция Норт-Уоллиса-Вайнгаста. Статья 1. Срывы модернизации вчера и сегодня, *Общественные науки и современность*, (5), 37 – 50
34. Полтерович В.М. (2001) Трансплантация экономических институтов. *Экономическая наука современной России*, (3), 24 – 49.
35. Федоров С.И. (2021) Кластерная политика и инновационная активность промышленных предприятий, *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*, (4), 161 – 185.
36. Хайек Ф.А. (1992) Пагубная самонадеянность: ошибки социализма. – М.: Изд-во «Новости».
37. Шаститко А.Е. (2002) Новая институциональная экономическая теория. – 3-е изд. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС.
38. Шаститко А.Е. (2012) Быть или не быть антитрасту в России? *Экономическая политика*, (3), 50 – 69.
39. Шаститко А.Е., Ионкина К.А. (2021) Химера отечественного антитраста: институт коллективного доминирования в России. *Вопросы экономики*, (7), 68 – 88.
40. Шаститко А.Е., Павлова Н.С. (2018) Широкие перспективы и овраги конкурентной политики. *Экономическая политика*, (5), 110 – 133.
41. Шаститко А.Е., Павлова Н.С. (2021) Антиконтрентные последствия антимонопольной политики: кейс мобильных операторов. Вопросы государственного и муниципального управления. *Вопросы государственного и муниципального управления*, (2), 7 – 33.
42. Яковлев А.А. (2012) Как уменьшить силовое давление на бизнес в России? *Вопросы экономики*, (11), 4 – 23.